

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ФОРМА ОБУЧЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Даниил Александров

Даниил Александров – декан Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук, профессор департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: ул. Союза Печатников, 16, каб. 220, Санкт-Петербург, 190008, Россия. dalexandrov@hse.ru.

1. Расскажите, как и когда возникла идея проведения выездных полевых исследований? В какие места и как надолго Вы выезжали? В каких условиях приходилось жить? С какими практическими сложностями сталкиваться (на этапе подготовки/реализации проекта)?

Моя убежденность в важности полевой практики и экспедиций для формирования социологов имеет двойное основание, она укоренена в личном опыте полевой научной работы в молодости и в моих занятиях историей и социологией науки.

Первая экспедиция в моей жизни была в 1972 году, когда мне было 15 лет, и на большой экспедиционной машине мы проехали от Новосибирска до Душанбе. На следующее лето я отправился в Кандалакшский государственный заповедник, и с того момента лет пятнадцать каждое лето проходило в полевых условиях. Это были биологические экспедиции и летние практики студентов биологического факультета. Занимался я изучением структуры морских сообществ и учил студентов на занятиях прямо в поле чудесам биологического разнообразия и законам его организации. Все эти годы я работал в экспедиционных коллективах, в которых были общие усилия по сбору материала и индивидуальная специализация в его обработке, обеспечивающие сплоченность, – буквально органическая солидарность по Эмилю Дюркгейму, основанная на разделении труда.

Вот из этого практического опыта в первую очередь и происходит для меня идея полевой практики и социологических экспедиций. С самого начала своего преподавания в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге – а мы с Вадимом Волковым пришли туда создавать социологический факультет в 2002 году – я думал, что надо организовать для студентов летнюю социологическую практику. У геологов, ге-

ографов, биологов и археологов летняя учебная практика занимает центральное место в подготовке специалистов по принципу «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Почему бы социологам тоже не ввести летние полевые практики или экспедиции, думал я, и искал разные возможности осуществления этого плана.

Ряд дисциплин не случайно имеет полевые практики как учебные курсы. Есть общие эпистемические особенности наук, которые черпают знание не в лаборатории, а в полевых исследованиях. В полевых науках никакие выступления в аудитории по своей убедительности не заменят доказательного объяснения в поле, отчего еще в XIX веке геологические и ботанические конгрессы сопровождались длительными полевыми экскурсиями, в которых разрешались споры о геологических слоях или устройстве растительных сообществ. Я знал о пользе таких экспедиций и практик уже не только как полевой исследователь, но как историк науки, изучавший историю естественных наук в 1990-е годы. Историками и социологами науки были написаны прекрасные работы о роли полевого опыта в разрешении научных споров и формировании новых направлений в науках о Земле и науках о жизни. Я сам участвовал в развитии этого направления, и этот опыт был вторым источником моего убеждения в необходимости полевой практики в социологии – это же наука о жизни и устройстве живых сообществ.

В 2006 году появилась возможность организовать первую поездку студентов для полевых исследований в Ленинградской области – это была часть большого проекта изучения бедности в городских и сельских условиях, в котором принимали участие социологи Иркутска, Самары, Саратова, Ульяновска и Санкт-Петербурга. Оно финансировалось фондом «Хамовники», который создал московский предприниматель А.И. Клячин. Мы объехали на машине все закоулки Карельского перешейка и выбрали два поселка Приозерского района Ленинградской области. Один из них – поселок Сосново – стал базой нашей практики с 2006 по 2010 год. Оттуда мы ездили по всему району, собирая интервью, записывая наблюдения в полевые дневники. Если в первый сезон студентов еще было не очень много, то потом через нашу полевую базу за лето проходило порядка двух десятков студентов. Три года подряд мы снимали на все лето большой дом, в который студенты набивались как сельди в бочку, впрочем, условия всегда были очень приличными.

В 2011 и 2012 годах мы ездили в Московскую область, и нами были обследованы Дмитровский и Рузский районы. Это требовало разъездов во все концы районов, и мы ехали туда с машинами, а в один сезон даже арендовали дополнительную машину, чтобы мобильность наша была выше. В 2013 и 2014 годах мы работали в малых городах Ленинградской области (сначала Кириши, потом Сланцы), где нам уже не надо было ездить на машинах каждый день, а можно было просто ходить по городу. Эти летние практики оплачивались уже как часть учебного процесса Высшей школы экономики – они проходили как курсы по выбору, записанные в учебном плане, и как курсы повышения квалификации студентов и преподавателей. И условия жизни у нас были замечательные.

2. Как формировалась и эволюционировала тематика Ваших полевых исследований? Связана ли она в большей степени со спецификой изучаемого региона, с интересами и теоретическими предпочтениями участников или с другими обстоятельствами?

В первые годы наша исследовательская работа была посвящена изучению социального исключения. Мы стремились понять, кого в поселках считают бедными и достойными помощи, и было очень заметно отличие города и села. В большом городе работает бюрократическая машина – оцениваются не люди, а документы, на основании которых чиновники принимают решение. В отличие от этого в деревне каждый раз и социальные работники, и другие местные жители оценивают людей как достойных помощи или не стоящих поддержки. Это совершенно разные механизмы социального исключения.

В 2009 году мы перешли от изучения социальных отношений в поселках к изучению целых сельских районов и их социальной инфраструктуры. Основным предметом исследования стало взаимодействие муниципальных учреждений (школ, садов, клубов и пр.), общественных и религиозных организаций и любых форм кооперации местных жителей. И довольно рано на передний план вышла тема социального (бес)порядка и его соотношения с (бес)порядком физическим – тема, известная через «теорию разбитых окон». Нас интересовала и интересует способность жителей к самоорганизации для поддержания физического порядка, а тем самым и социального.

Параллельно с этими направлениями работы мы занимались изучением школ и школьников в соответствии с основной тематикой нашей научно-учебной лаборатории социологии образования НИУ ВШЭ, в которой ежегодное финансирование мы получаем по проектам исследований образования. Это и тематика успешности школ: почему в одних поселках школы – успешные, а в других – нет. Успешность, которая нас интересует, видна невооруженным глазом – не по каким-то тестам вроде ЕГЭ, а по настроению учителей и учеников, которым нравится их школа. Из множества кейсов видно, что это настроение никак не связано с финансированием школы, а отражает и коллективную действенность (*collective efficacy*) учителей, и коллективную действенность местного сообщества, для которого важна школа.

Это и тематика неравенства и его воспроизводства через образование, когда на той или иной территории складывается система сортировки учащихся на основе социально-экономического статуса семьи: одни дети идут в школу с особыми программами и дополнительными занятиями, другие – в соседнюю школу попроще. Сортировку детей мы находим везде: там, где рядом есть несколько школ в транспортной доступности, школы дифференцируются, отвечая спросу родителей на статусную сегрегацию; там, где есть лишь одна школа с несколькими классами в параллели, статусное расслоение происходит внутри школы. Изучать эти пространственные процессы нужно локально, собирая все случаи и все школы, а не при помощи выборочных опросов.

В каждой местности мы также изучаем миграционную ситуацию, самих мигрантов и их интеграцию. Это началось почти с первого года наших полевых исследе-

дований. Мы разговариваем как с мигрантами, расспрашивая их об их миграционных траекториях, так и с местными жителями о мигрантах, пытаюсь понять местное отношение к тем или иным группам и к мигрантам в целом. Мы смотрим на миграционную историю того или иного поселения, узнавая у старожилов, как и когда в поселении появлялись те или иные группы мигрантов. Например, в Московской области очень заметно влияние советского прошлого, когда для укрепления совхозов перевозили жителей Мордовии и Чувашии. При этом у нас нет какого-то очерченного и сформулированного проекта по изучению мигрантов в малых городах и в сельской местности – он у нас есть в Санкт-Петербурге, где в последнее время мы изучаем малый бизнес, который принадлежит мигрантам. Но невозможно комплексно изучать поселения и не работать по миграции – миграционные процессы везде заметны.

Наконец, самой общей темой – своего рода замковым камнем, который держит весь свод, – выступает исследование местных сообществ, *community studies* в их классическом виде. Это направление интегрирует все темы и подтемы, которые возникали в нашей полевой работе. Как писали английские классики этой области, Колин Белл и Говард Ньюби, *community studies* – это изучение взаимоотношений социальных институтов в той или иной местности. Вот этим мы и занимаемся в целом, в частности, когда смотрим отношения между разными организациями социального сектора, отношения бизнеса и местного образования, отношения местных религиозных общин и социального сектора. Мы, конечно, опираемся на всю традицию полевых социальных исследований поселений: от Ллойда Уоррена и супругов Стотона и Хелен Линд к современным исследованиям соседств в больших городских агломерациях – студенты знакомятся с огромной литературой, включая роман Торнтон Уайлдера «Теофил Норт», который кажется художественным аналогом работ по Янки-сити.

3. Какие задачи в первую очередь решает экспедиция? Как в ней соотносятся исследовательские и образовательные цели? Какую роль экспедиции должны играть в образовательном процессе в целом?

В нашем случае преобладают образовательные цели и задачи. Если бы научные цели стояли выше в системе приоритетов, то экспедиции были бы организованы иначе, темы были бы более фокусированными, а участники – более квалифицированными. Сейчас же наша полевая практика ориентирована на младшие курсы – это для них настоящее введение в социологию. На практику выезжают и опытные ребята, которые работают в лаборатории, однако главная задача – рекрутировать совсем «зеленых» первокурсников, которые получают возможность вживе посмотреть, что такое социология. На практике проходят семинары с чтением релевантной научной литературы, совместные рабочие совещания, создаются команды из людей, у которых есть опыт полевой работы, и из новичков, у которых нет опыта полевой работы. Мне это кажется необычайно важным.

Во-первых, в таком тесном общении осуществляется связь поколений: я участвую в семинарах и почти ежедневных рассказах о прошедшей полевой

работе, студенты участвуют в посиделках друг с другом, всегда приезжают какие-то гости – социологи и политологи, молодые ученые и профессора или просто замечательно интересные знакомые. Благодаря тесному общению навыки и знания передаются более естественным путем – не искусственно-аудиторным образом, а из рук в руки. Наука – это вообще практическое дело с огромной долей неявного знания (*tacit knowledge*), и если в физике и химии это знание передается в лаборатории, то в социологии нужны совместные экспедиции и полевые практики.

Во-вторых, поскольку в наших экспедициях, они же – летняя практика, все время идет теоретическое обсуждение, люди учатся тому, что социология – наука аналитическая, наука с теоретическими моделями. В поле мы ищем ответы на вопросы, которые сформулированы на теоретическом языке. И студенты учатся мыслить теоретико-эмпирически, то есть учатся сопрягать теоретические схемы и эмпирику, получаемую в полевых наблюдениях. Это тоже навык, хотя и когнитивный, но совершенно практический, подобный координации рук и ног при вождении автомобиля, и если его не тренировать долго и упорно, то он и не возникнет. Молодому социологу может казаться, что он занят наукой, а на самом деле просто совершает какие-то беспорядочные интеллектуальные движения с понятиями и данными. В России это часто сходит за занятие наукой, так как почти нет никакой серьезной научной жизни. Образно говоря, сидящий за рулем автомобиля с удовольствием крутит руль, нажимает невпопад на педали и не к месту переключает скорости, но без последствий, так как автомобиль на самом деле никуда не едет и ни с кем не столкнется.

Совместная деятельность в экспедиции, как и любом исследовательском проекте, если это научная работа, должна быть связана с непрерывной координацией теории и эмпирики. Совместная работа и обучение в химической лаборатории при изучении качественного и количественного анализа – это практическое освоение того, как капли жидкостей и изменения цвета раствора связаны со структурой молекул. Если феноменологически описывать капли или рефлексивно описывать свой опыт капания при титровании, то химии никакой в этом нет. Если не научить социологов видеть теоретические конструкты в хаосе собранных данных, то нет и никакой социологии. Поэтому мы в поле обязательно читаем статьи на английском и проводим по ним семинары хотя бы пару раз за практику. Мы этим помещаем все компоненты науки в один мир повседневной активности на практике – прочитал статью, вышел в тот же день на описание поселка и увидел что-то новыми глазами. Если же теория в одном символическом универсуме, а полевой дневник – в другом, то какая уж тут наука. В современном массовом образовании нарастает разрыв между аудиторным освоением теории и практикой сбора данных одиноким студентом для своей курсовой или выпускной работы. В этих условиях никакого правильного навыка занятий наукой не вырабатывается, а только образуется в голове хаос каких-то теорий, никак не связанных с описанием данных. При этом студенты легко усваивают спасительные формулы и уверенно называют размышления над интервью «облегченной процедурой *grounded theory*», а пересказ наблюдений – «феноменологическим описанием».

Помимо тренировки научного ума есть еще и обретение социального опыта общей научной жизни в экспедиции. Немаловажно то, что экспедиции – дело коллективное, а в нашем случае еще и волонтерское, и веселое. К нам в лабораторию на первом курсе попадают все желающие. И в экспедиции тоже едут практически все желающие. Совсем не все из них потом останутся и будут заниматься наукой – попробовали, не понравилось, и хорошо, что сразу поняли, что и как. Кто-то из студентов настроен просто хорошо учиться, получить диплом и пойти работать, а жизнь в науке требует большего. Соответственно в экспедиции (она же – полевая практика) все держится на энтузиазме – работа не оплачивается, все получают только суточные, которые идут «в общий котел». И мои коллеги, которые к нам приезжают, удивляются и спрашивают: «Как у вас все так успешно здесь происходит, вы им что-нибудь платите?». Нет, не платим. «Они что, у вас по двенадцать часов в сутки работают бесплатно?». Да, говорю, в этом и состоит вся идея экспедиции.

Если им интересно, то из них получатся ученые. Научный энтузиазм, желание много работать, все время думать над материалом – без этого невозможна наука. И все это должно прийти очень рано, вместе с ощущением, что ты можешь успешно этим заниматься, а значит готов к академической карьере.

В России юноши часто идут в аспирантуру, чтобы избежать армии. С одной стороны, наука им не интересна, работать им не хочется, с другой стороны, не защитить диссертацию вроде бы нельзя, и они пишут какие-то бездарные тексты. Так вот и складывается унылая российская наука, делаемая спустя рукава. А заниматься наукой надо весело. И коллективные полевые работы во всех науках – от геологии до археологии – это веселое дело, организованное вокруг науки. Если не будет веселья и «тусовки», то и науки не будет никакой. Если «тусовка» перестает быть организована вокруг важной и трудной науки, то она, оставшись сама по себе, быстро теряет в привлекательности и веселье.

4. Охарактеризуйте методiku проводимых полевых работ и особенности координации таких проектов в качестве руководителя экспедиции. Удастся ли реализовать коллективный дизайн исследования или более продуктивной является стратегия координации индивидуальных/групповых мини-исследований, объединенных единством места и времени?

Если говорить языком методологии, то наша работа – это применение кейс-стади в традиционном понимании как комплексного описания сложного объекта (например, города), основанного на смешанной методологии (*mixed methods*). Каждое поселение – отдельный кейс. Для его изучения нужно грамотное сочетание количественных и качественных методов сбора и обработки данных. Можно даже сказать, что одна из задач наших экспедиций – сбор количественных данных качественными методами. Такой подход уже давно применяется при изучении сообществ и соседств: например, качественное описание большого массива объектов (скажем, домов), позволяет создать количественную базу данных состояния зданий; интервью во множестве детских садов, школ, клубов и библиотек сельского района дают нам уже количественную картину социальной инфраструктуры.

Всестороннее описание кейсов поселений, конечно, требует общего дизайна и высокого уровня координации, но оставляет и определенную свободу для участников. Во-первых, в изучении местных сообществ есть множество аспектов, и кто-то заранее выбирает себе ту или иную тему по интересам, например, изучение религиозных общин или дворовые клубы в малом городе. Во-вторых, в каждом новом месте появляются новые темы, которых не было в предыдущие сезоны. В Дмитровском районе очень продуктивным было именно изучение религиозных общин, а в Сланцах – стратегии выживания пожилых бедных. И на эти темы находят энтузиасты, готовые ими заниматься, собирать дополнительные данные, обрабатывать их и писать курсовые работы.

Есть в нашей работе и важный организационный прием, обеспечивающий координацию и общий настрой, и сбор предварительных данных. Наша полевая работа начинается с социального картирования больших поселений: в Дмитровском районе это был сам город Дмитров и другие крупные поселения, в Рузском районе – Руза, а в Киришах и Сланцах – сами города. Мы здесь работаем прямо по лекциям Чарльза Бута и Чикагской школы. И хотя сплошное описание отдельных домохозяйств в ходе экспедиции невозможно, все жилые здания поселка можно успеть описать и отметить на карте.

Социальное картирование представляется нам уникальным методом, позволяющим преобразовывать данные, полученные в ходе качественного полевого исследования, в количественные описания поселений. Так, в ходе экспедиции в Кириши была собрана информация по 700 зданиям, 400 детским площадкам и значительно большому количеству признаков порядка (клубы и т.п.) и беспорядка (граффити, мусор) у домов и во дворах. В результате студенты заносят данные в ГИС и создают прекрасные карты городов, отражающие, где в городе локализованы социальный порядок и беспорядок, разделение города на более и менее благополучные зоны, элитные районы и «гетто».

В ходе квартального обхода и картирования начинается сбор информации от жителей, и участники экспедиции договариваются об обстоятельных интервью. Так постепенно картирование завершается и все переходят к сбору интервью. Параллельно с разговорами во дворах начинают собираться интервью с представителями социальной инфраструктуры и местной администрации, а также владельцами малого бизнеса и просто уличными продавцами. Особенный интерес для исследования представляют интервью со старожилами, наблюдавшими изменение состава населения – выезд из города «местных» жителей и заселение его «приезжими». В интервью с работниками школ, детских садов, ДК и библиотек мы также стараемся узнать не только о состоянии их учреждений, но и всей современной ситуации, сложившейся в городе, и об ее исторической динамике за последние 20–30 лет.

В последние годы мы выезжаем уже с календарным планом работы: столько дней на картирование, обсуждение результатов, столько-то дней на сбор первых интервью, обсуждение результатов, сбор дополнительных интервью и так далее. Первые дни идут по плану, а потом, конечно, план, мягко говоря, корректируется, но к этому времени все уже втянулись в работу, и проблема координации

действий стоит не так остро. Главное – всем быстро становится по-настоящему интересно общение с людьми, что-то хочется узнать глубже об их жизни и общей жизни поселения. И это многократно облегчает координацию всей работы. Полевая жизнь не оставляет участников равнодушными друг к другу и к местным жителям, возникает положительная идентификация с местностью и местными сообществами. Сухая и строгая наука, а она, конечно, должна быть сухой и точной, оказывается пронизанной человеческими отношениями. Все-таки мы же людей изучаем, не химические молекулы.

5. Что дал опыт выездных полевых исследований лично Вам? Насколько Вы удовлетворены результатами? Какие коррективы в работу Вы, возможно, хотели бы внести в будущем?

Лично мне опыт полевых исследований дает чувство социального оптимизма. Если все время общаться с отечественными учеными и экспертами, слушать про федеральную политику и читать Facebook, то возникает желание уйти в себя или умереть под плинтусом. А полевая работа спасает от этого паморока. Пообщаешься с директором сельской школы или руководителем детского клуба в малом городе, и понимаешь, что люди успешно живут и помогают друг другу, и тебе тоже надо так же жить и работать, хотя бы и в науке.

THE SOCIOLOGICAL EXPEDITION AS RESEARCH PRACTICE AND A FORM OF SOCIOLOGICAL THEORY TRAINING

Daniel Alexandrov

Daniel Alexandrov is Dean of the School of Social Sciences and Humanities and Professor of Sociology at the National Research University–Higher School of Economics in St. Petersburg. Address for correspondence: ul. Soiuza Pechatnikov, 16, room 220, Saint Petersburg, 190008, Russia. dalexandrov@hse.ru.